

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Вышка для
бизнесмена

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Вышка для бизнесмена / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (МУРу — 90 лет. Лучшие романы Н. Леонова).

ISBN 978-5-699-91144-8

Два подозрительных типа на глазах у полковника Гурова пытаются похитить девушку. Сыщик, естественно, вмешивается и защищает ее. Если бы не одно обстоятельство, то Гуров сразу бы забыл об этом инциденте. Но дело в том, что молодая особа — ее звали Елена — оказалась невестой бывшего криминального авторитета Гордея. Полковник предполагает, что попытка похищения Елены связана со старыми делишками авторитета. И не ошибается. Криминальное прошлое Гордея вдруг возвращается в виде непредсказуемых и очень опасных обстоятельств...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э»,
2016

ISBN 978-5-699-91144-8

Полковник милиции — точнее, теперь уже полиции — Лев Иванович Гуров проснулся, но глаза открывать не спешил. А что? Имел право поваляться в свой выходной день. Не так-то часто они у него и выпадали. Он прислушался к своим ощущениям, и они ему категорически не понравились — во рту вкус стоял такой, словно он портянки жевал, в левом боку поселилась непонятная тупая боль, плюс ко всему явно была, пусть и небольшая, но температура.

А объяснение всему этому было очень простое: вчера в пятницу его жена Мария Строева, между прочим, народная артистка России, правда, больше известная, как театральная актриса, хотя и в кино она не без успеха снималась, в ультимативной форме потребовала, чтобы он выполнил свой супружеский долг, и имелся в виду совсем не

секс. Он должен был явить себя народу, то есть забрать ее со съемок.

— В конце концов, есть у меня муж или нет? — ласково поинтересовалась она.

Требование было законным — не так-то часто они вдвоем где-то появлялись, и он согласился.

День на службе у него выдался суматошный — в писанине погряз, потому что чем выше у человека должность, тем больше ему приходится оформлять документов, но он поднапрягся и успел к жене вовремя. И попал на сабантуй как раз по поводу окончания этих самых съемок.

Гуров до смерти не любил все эти мероприятия, но увезти жену немедленно не мог, чтобы не лишать ее удовольствия в очередной раз искупаться в лучах славы, обожания, восхищения, а также самой черной зависти и лютой ненависти. Что делать? Это их мир со своими закидонами. Спиртное лилось рекой, а вот с закусью было неважно, да и та была родом из соседнего супермаркета — всевозможная нарезка и многочисленные салаты неизвестного года рождения. Ничего не евший це-

лый день, Гуров, зная, что ужина явно не предвидится, пить не пил — за рулем все-таки, — но ел; правда, старался выбирать то, что хотя бы на вид выглядело более-менее свежим. Киношники нещадно дымили, из-за чего все окна были открыты, и его, видимо, просквозило, отсюда и температура — апрель все-таки, не лето же. Вот за все это Гуров теперь и расплачивался.

Привыкший переламывать себя, он встал и пошел в ванную, где, критически осмотрев свое отражение в зеркале, решил, что он еще вполне ничего: ни капли лишнего жира, мускулатура рельефная, на живот и намека нет, а седина мужчину еще никогда не портила.

Чтобы привести себя в норму, Гуров стал, как обычно, делать утреннюю зарядку, и вот настал черед гантелей. Мария, вышедшая из кухни с чашкой кофе в руках, смотрела на него и посмеивалась:

— Старый муж, грозный муж.

— Ну, не такой уж и старый, — добродушно проворчал Гуров.

Отложив гантели, он привычно подхватил жену на руки, и тут его пронзила

такая резкая боль, что он застыл, а руки его дрогнули.

— Ну вот. А говорил, не старый! — насмешливо сказала Мария и соскользнула из его рук на пол.

Но тут она увидела побледневшее лицо мужа, его закрытые глаза и сцепленные зубы.

— Гуров... — испуганно прошептала она — таким она мужа еще никогда не видела. Он не отвечал, и Мария позвала громче: — Лев.

— Сейчас все пройдет, — с трудом выговорил тот.

Обхватив себя обеими руками за бока, он стоял, согнувшись пополам, и с трудом сдерживался, чтобы не застонать. Он не боялся самой боли — бывал ранен, и не раз, да и битым довольно сильно тоже бывал: его пугало то, что он не мог понять природу этой боли.

— Гуров! — скатываясь в истерику, заорала Мария. — Немедленно скажи, что с тобой! — И, не получив ответа, предположила: — Это сердце. Тебе нужно немедленно лечь.

Гуров понимал, что лечь ему действительно необходимо, но малейшее движение вызывало дикую боль, и он

продолжал стоять, прислушиваясь к себе. Мария же металась по квартире в поисках валидола или нитроглицерина, но сообразив, что у них в доме такого никогда не водилось, а когда до нее наконец дошло, что занимается она заведомо бесполезным делом, побежала к соседям. Обычно она не переступала порог дома, не приведя себя в порядок — работа обязывала всегда выглядеть отлично, но сейчас ее это волновало в самую последнюю очередь. Пока ее не было — Гуров не хотел, чтобы она видела его таким ослабевшим, он потихоньку, постанывая сквозь намертво стиснутые зубы, добрался до кресла, скорчившись и по-прежнему обхватив себя руками, застыл.

От соседей Мария вернулась и с валидолом, и с нитроглицерином. Увидев Гурова в кресле, она взорвалась:

— Супермен чертов! Ты что, не мог подождать, пока я вернусь? Нет, ему нужно все и всегда самому делать. Мы же люди гордые и ничьей помощи не приемлем.

Она попыталась засунуть мужу в рот обе таблетки сразу, но из этого ничего не вышло. Наконец, сообразив, что

нужно делать, она бросилась к телефону и вызвала «Скорую», а потом, пользуясь его беспомощным состоянием, хоть он и пытался протестовать, позвонила Орлову и Крячко — к кому же обращаться за помощью в трудную минуту, как не к давним и испытанным друзьям?

«Скорая» приехала на удивление быстро. Пожилой врач посмотрел на Гурова темно-кариими печальными глазами поверх сидевших на носу очков и потрогал лоб. Потом он, несмотря на сопротивление Льва Ивановича, помог ему добраться до дивана, лечь на спину и без всякого предупреждения легонько стукнул его по левому боку — боль тут же пронзила Гурова так, что крика сдержать он уже не смог.

— Да что вы делаете? — взвилась Мария. — Вы коновал или врач? Ему же больно!

Врач посмотрел на нее поверх очков и сказал:

— Мадам, не морочьте мне голову. Я же не учу вас, как читать монологи, вот и вы не вмешивайтесь. — Узнал, значит.

— Но вы хотя бы можете сказать, что с ним? — не унималась Мария.

— Могу. Поджелудочная. А эта дамочка одиночества не терпит. И ходит она исключительно под ручку с желчным пузырем. Они очень любят друг друга. Это я вам доступно объясняю, чтобы не забивать голову медицинской терминологией.

— Что же делать? — растерялась Мария.

— Ехать в больницу, что же еще? — пожал плечами врач. — Приступ я, конечно, и здесь сниму, но вот анализы сдавать, обследование проходить и серьезно лечиться ему нужно уже в стационаре. Так что соберите мужу самое необходимое на первое время, а остальное потом привезете.

— Не поеду, — процедил сквозь зубы Гуров.

— Геройствуете, молодой человек? — укоризненно спросил врач. — Напрасно. В вашем возрасте это уже признак не ума и доблести, а глупости.

— Гуров, может быть, тебе все-таки лучше лечь в больницу? — спросила Мария.

— Мне лучше знать. Я дома отлежусь, — не сдавался тот.

— Хорошо. В конце концов, это ва-

ше здоровье и ваша жизнь, — поняв, что настаивать бесполезно, согласился доктор. — Распишитесь вот здесь, что вы отказываетесь от госпитализации, но учтите, что с этой «сладкой парочкой» шутки плохи.

С трудом отлепив от тела правую руку — ему казалось, что когда он себя вот так обнимает, ему все-таки немного легче, — Гуров расписался.

— А теперь предъявите мне вашу фи-лейную часть, и я вам укол сделаю, — потребовал врач.

— А без этого никак? — Не то чтобы Гуров боялся уколов, но кто же их любит?

— Молодой человек, вы кем работаете? — спросил врач.

— Сыщик я, — прошептал Лев Иванович.

— И звание имеете?

— Он полковник, — вместо Гурова ответила Мария.

— Тогда давайте, господин полковник, я вас сейчас начну учить, как ловить преступников, — предложил врач. — Вы меня слушать будете или сразу к черту пошлете? — И потребовал: — Предъявите мне любое ваше полужопие.

К чести врача надо сказать, что укола Гуров даже не почувствовал — или его заглушила более сильная боль?

— Вы скажите, что ему нужно, я все сделаю! — попросила Мария.

— А что тут делать? Рецепт простой: холод, голод, покой. Не жрать, как сказала Майя Плисецкая, правда, по совсем другому поводу. Диета строжайшая, но уж никак не тощие салатки, которыми вы фигуру бережете. Это должна быть полноценная еда. Но это вам уже лечащий врач в поликлинике объяснит. Его? — спросил врач, кивая на гантели.

— Да, каждое утро с ними занимается, — объяснила она.

— Пусть забудет! — категорично заявил врач.

— Но от спорта еще никому никакого вреда не было, — возразила Мария.

— Мадам! Если бы от спорта была хоть какая-нибудь польза, на каждом турнике висело бы по пять евреев. Уж вы мне поверьте, — хмыкнул врач и спросил у Гурова: — Вам полегче?

Боль действительно немного отпустила, и Лев кивнул.

— Тогда я уезжаю с нечистой совестью, потому что в больницу вас все-

таки надо было забрать. — Он поднялся. — И учтите, господин полковник, что звезды хороши на небе и погонах, но никак не на могиле, куда вы торите себе дорожку семимильными шагами. Так что о госпитализации вы все-таки подумайте. А сейчас самое лучшее, что вы можете сделать, это вызвать врача из своей поликлиники.

С этими словами врач из «Скорой» ушел. Проводив его, Мария вернулась и, подкатив к дивану кресло, села и стала уговаривать мужа:

— Гуров, тебе действительно нужно лечь в больницу. — На это он только перекинулся. — Ты решил оставить меня вдовой? — перешла она в наступление. — Нет, черное мне всегда шло, но мне категорически не хочется надевать его раньше времени.

Она говорила что-то еще, но полковник ее уже не слушал, а наслаждался тем неопределимым ощущением, когда чувствуешь, что боль уходит. Но вот долго поблаженствовать ему не дали — раздался звонок в дверь. Крячко тут же появился в комнате, сел в кресло, откуда только что встала Мария, и не удержался от того, чтобы не подско-

лоть — впрочем, это была его обычная манера разговаривать.

— Что-то рано ты, Лев Иванович, сдавать начал.

— Между прочим, некоторые всего на четыре года моложе меня, — буркнул Гуров. — А судя по тому, что Мария задержалась в коридоре, она там сейчас Орлову ябедничает?

— О твоей проницательности в управлении легенды слагают, о великий! — Стас воздел руки к потолку.

— И великие тоже смертны, — заметил Орлов, появляясь в комнате. — Соберись в госпиталь, Лева. И это не обсуждается, — категорично заявил он.

Гуров пытался протестовать, но на это никто даже внимания не обратил: Мария бросилась собирать ему сумку, Крячко ей помогал, а Орлов решал организационные вопросы по телефону.

А Лев Иванович смотрел на них и по-стариковски размышлял о том, как же быстро пролетело время. Ему вспомнилось, как он впервые появился в МУРе, где встретил сначала Орлова, а потом и Крячко. И совсем не друзьями они тогда были. Петр Николаевич Орлов, самый старший из них троих, счи-